

СОЦІАЛЬНІ ТЕХНОЛОГІЇ В СУЧАСНОМУ УКРАЇНСЬКОМУ СУСПІЛЬСТВІ

УДК 316.74:316.773.2

А. С. ГОЛИКОВ, А. А. КАЛАШНИКОВА

МЕМ КАК ЗНАНИЕВЫЙ КОНСТРУКТ И СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ: ВКЛЮЧЕНИЕ, СОЦИАЛИЗАЦИЯ, ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена социологическому анализу феномена мема как знаниевого конструкта и как социальной технологии. Опираясь на лингвистические, социологические, антропологические, коммуникативистские исследования, авторы доказывают как знаниевую природу мемов, так и их значимость в конституировании социального. Интерпретируя мем как продукт массовой и спонтанной активности, авторы, тем не менее, предлагают взгляд на мем как на социальную технологию, в том числе технологию по социальному включению и исключению, технологию по социализации и конструированию идентичности, а также технологию в области образования (в частности, e-learning).

Ключевые слова: мем, Интернет, социология знания, знание, социальная технология, e-learning, социальность, включение.

Современное коммуникативное пространство представляет собой многослойную композицию, дифференцированную как практиками, так и структурами. Структурная дифференциация коммуникативного пространства подразумевает – в терминах двойного конструирования социального пространства, по П. Бурдьё [4] – знаниевую дифференциацию, то есть различие в знаниях, которыми обладают агенты. Так, при распространении широкого доступа к Интернету¹ сохраняются целые группы, прослойки и общности, не обладающие этим доступом, а значит, не имеющие представления о коммуникативных практиках и фреймах, господствующих в нём. Основными факторами неиспользования Всемирной сети являются возраст и место жительства: чем моложе группа и чем крупнее населённый пункт, тем выше доля пользующихся Интернетом. Следует также учитывать разницу в практиках пользователей: в то время как молодые люди предпочитают быть постоянно онлайн и потреблять информацию без определённой цели, для среднего и старшего возраста характерно функциональное и дозированное использование Интернета. Это приводит к разрушению традиционных и традиционно воспроизводимых каналов и способов передачи и (ре) трансляции знаниевых конструктов, характерных для более гомогенных с точки зрения знаниевой конституции обществ. В частности, это хо-

---

¹ По данным КМИС, 61,6% украинцев старше 18 лет пользуются Интернетом [38].

рошо иллюстрируется разрушением “единого пространства цитат”¹, в рамках которой агенты имели возможность (ре)трансляции смыслов друг другу опосредованно, через контексты, метасообщения и косвенные смыслы цитирования (цитирования фильмов, книг, продуктов поп-культуры, канонизированных схоластикой текстов и т. д.).

Именно поэтому актуальным является социологическое изучение таких конститuentов современных дискурсивных образований, как интернет-мемы. Мемы, появляющиеся в Интернете, фундаментально отличаются от ранее существовавших вариантов культурного наследования простотой и скоростью распространения. Отсюда проистекает ряд особенностей интернет-мемов, а именно: высокая повторяемость, колоссальная дистанцированность формы от содержания, гибкость фрейма использования, интертекстуальность его природы при антитекстуальности процедур его использования, форсированность и экстренность времени и периодики его существования и ряд других. Распространением мемов может быть частично объяснена и раскрыта проблема крушения системности социального знания повседневных агентов, обозначенная нами в [5]. Такая знаниевая конституция является удобным инструментом для разнообразных социальных технологий, поддержания медийного доминирования², а также для конституирования неомифологических знаниевых структур не в единичной репликации (например, сектантским образом), а в массовом порядке.

Термин “мем” в его распространённом значении был предложен Р. Докинзом в 1976 г. для обозначения единицы культурного наследования, которая обеспечивает социальную эволюцию по аналогии с геном в эволюции живой природы. Мемы должны обладать теми же качествами, что и гены: долговечность (не отдельной копии, а концепта в целом), плодovitость и точность копирования. Сам Р. Докинз сразу же оговаривает, что меммы не копируются в точности, скорее, передача мемов реализуется посредством постоянного мутирования и слияния. Мемы, реплицировавшиеся во множество индивидуальных сознаний в какой-то период, доминируют в данном времени и пространстве, обладают высокой выживаемостью, то есть имеют большую вероятность закрепиться в мемофонде [9]. Перспективы создания новой модели развития культуры, открываемые таким заимствованием из генетики, заставили гуманитарных учёных говорить даже о создании новой научной дисциплины – меметики, которая, однако, доказала свою научную несостоятельность.

Попытки всё же использовать идеи меметики в рамках науки принадлежат в основном филологам, в частности, занимающимся когнитивной лингвистикой. Множество работ на русском и украинском языках, опубликованных в период с начала двухтысячных по настоящее время, демонстрируют отсутствие как ясного определения мема как наследуемого фраг-

---

¹ Изобретения современной системы образования и современной системы масс-медиа.

² В противоположность доминированию религии, архаичной мифологии, идеологии и т. д.

мента культуры, так и доказательства методологической необходимости применения этого термина. По своему значению “мем” дублирует базовое для лингвистики понятие концепта, является аналогичным понятию символа, фрейма и так далее [13]. Поэтому целесообразно называть мемом реально существующий феномен интернет-коммуникации, анализируя его с помощью лингвистических, культурологических и других концептов, но не смешивая меметическую трактовку термина с наблюдаемым явлением. Последнее, к сожалению, иногда встречается в исследованиях [10–12].

Целью статьи будет изучение (интернет-)мема как знаниевого конструкта и как социальной технологии с точки зрения его потенциала в конструировании и конституировании процессов включения и исключения (inclusion and exclusion), идентичностей и социализации.

Первые мемы в Интернете, вероятно, относятся ко времени появления сервисов мгновенного обмена сообщениями и страниц форумного типа. На сайте dipity.com существует хронотаблица появления англоязычных мемов, первые из которых датированы 1982 г. К ним отнесена научно-фантастическая книга Дж. Уильямса о киберпространстве, автомат с содовой, наличие напитка в котором мог узнать любой пользователь сети, и эмоджикон [21]. Возникновение перечисленных и последующих мемов связано с относительно массовым обсуждением и использованием, появлением множества ссылок на них в пространстве публичной коммуникации¹. Это раскрывает принципиально развлекательный характер мемов, являющихся фактически слепками коммуникативной среды, в которой они появились: интернет-вариант светского общения, беседы “просто так”, утративший социальные “тормоза” неанонимности, необходимой в общезнании вежливости и невысокой скорости общения, предоставил участникам свободу в использовании обценной лексики, проявлении нетолерантности и подобном коллективном творчестве. При этом мем вписывается в логику “энтертейнментизации” современных медиа, которые переводят любой дискурс (политический, научный, экономический, повседневный, литературный и другие) в развлекательный модус его репрезентации, и даже идут далее – в сторону “инфотейнмента”, при котором информирование камуфлируется под развлечение, а развлечение осуществляет информирование². В этом смысле мем, оставаясь по своей социальной природе фрагментом частного разговора, транспонированным в публичное пространство в силу какой-либо причины (дискурсивная броскость, общезначимость и т. п.), приобретает также медиатизированную (опосредованную) ипостась.

Безусловно, каждый активный пользователь способен припомнить некоторые встреченные онлайн и освоенные во время общения мемы, но этот перечень, естественно, ограничивается селективностью коммуника-

¹ Поэтому неудивительно, что источниками ранних русскоязычных мемов были форумы 4chan, Двач и Башорг.ru.

² В этот процесс хорошо интегрируются такие феномены, как product placement в поп-культуре, скрытая (анти)реклама, политическая пропаганда в форме культурных продуктов и т. п.

ции групп, к которым он принадлежит (или, что синонимично, позиций, которые он занимает). Простота “припоминания” и естественность этой селективности обеспечиваются, прежде всего, конвергентной природой мема, который “использует графические, языковые и цветовые возможности, чтобы передать культурную информацию” [12, с. 248]; иначе говоря, (интернет-)мем является знаниевой структурой, выраженной вербально, визуально или синтетически, которая апеллирует к предыдущему опыту или наличному знанию коммуникатора и реципиента без очевидности данной апелляции. Одновременно мем содержит некоторую новизну, чаще всего шутку, переопределяющую и по-другому интерпретирующую это знание. В случае удачного совпадения формы и содержания мема со знанием реципиента и его представлением об уместной шутке мем сообщает его опыту определённую форму, которая, будучи усвоенной, работает подобно стереотипу – экономит мышление, позволяя организовывать дальнейший опыт с помощью известной структуры. Мем здесь функционирует подобно “льду-9”¹, превращавшему в кристаллы льда любую воду при прикосновении. Так, если агент коммуникации усвоил определённый мем, запомнив его и научившись им оперировать, сообщения в дальнейшей коммуникации (а иногда и субъективный опыт вне её) в случае хотя бы малейшей аналогии в своей структуре с мемом обретают его форму. Поэтому чрезмерность усвоения мемов очевидно ведёт к упрощению индивидуального опыта, снижению рефлексивности восприятия, переходу на специфический мем-сленг в повседневном общении, с одной стороны, и к стереотипизации, бихромизации и примитивизации перцептивных практик (равно как и проистекающих из них прочих коммуникативных действий) – с другой.

Данные процессы могут быть проиллюстрированы траекторией “жизни” языка “падонкаф”, однако мемы, в отличие от него, представляют собой креолизованный текст – смысловое единство вербальной и невербальной информации [8], воздействующее на реципиента намного сильнее. Субязык интернет-мемов очевидно развивается: особенностью современных мемов является не просто наличие, но и усложнённость для понимания визуальной составляющей. Не только сам мем обращается к предыдущему опыту, но и отдельно взятое декодирование его визуальной составляющей требует осведомлённости о стиле исполнения, а в случае фотографии – уверенного узнавания изображённого. Один из проанализированных нами жанров интернет-мема – демотиватор – с помощью характерного внешнего вида задаёт контекст и порядок восприятия сообщения, построенного на ироническом раскрытии обычно простого визуального элемента посредством текста [6]. А нарочито плохо нарисованные человечки Rage Comics², которые можно принять за синтез наскальных рисунков с эмоджи-конами, выражают “знакомые каждому” эмоциональные состояния, но уже

---

¹ См. “Колыбель для кошки” К. Воннегута.

² Rage Comics – мемы в виде четырёхкадрового комикса, повествующего о персонаже с помощью комплекса условных рисунков-“портретов”, фиксирующих разнообразные эмоции.

в достаточно неявной, имеющей художественное своеобразие, форме, которая требует от зрителя подготовленности восприятия.

В своей публикации Е. И. Голованова отмечает: “Интернет-мем, размещенный в медиапубликации, по сути, является оформлением ситуации социального взаимодействия между автором и читателем, иконический элемент в нем выполняет функцию средства максимально быстрой и точной передачи не только информации как таковой, но и отношения к ней автора” [7, с. 138]. Эта передача осуществляется недискурсивно, следовательно, на уровне, плохо контролируемом формальными и формализованными институциями и формами общественного сознания (правом, законами, религиозными предписаниями), и, соответственно, подлежащими контролю лишь со стороны такой трудно формализуемой и трудно реализуемой коммуникации, как моральная коммуникация. Принципиально важно и социально-конститутивно опасно, что при этом актуализируются глубинные, инфантильные, неререфлексируемые механизмы и феномены. Так, исследователи косвенно затрагивают эти вопросы, добавляя аргументов нашим выкладкам, например, анализируя мем “ничоси”: “В устном общении это сочетание нередко звучит таким образом, но в письменной речи ничего себе (нейтральное) ≠ ничоси (наивное, полудетское)” [1, с. 14]. Совершенно неожиданный аргумент предоставляет лингвист А. Билоус, которая констатирует, что “интернет-мем может выступать как “умножение аргументов” – когда оратор один и тот же аргумент повторяет несколько раз в разных формулировках” [3, с. 180], что, как социологически совершенно очевидно, является техникой аргументации и дискуссии вовсе не “взрослого” дискурса¹, а “детского”, инфантилизованного дискурса – дискурса повторения, эмоций и мифа.

Симптоматичное в этом смысле сравнение проводит М. Опенков, который утверждает, что мемы, как и другие любительские произведения в общественных СМИ, соответствуют трём принципам: “мемы, даже латентные, могут жить в сети неопределенно долго; сети общественных СМИ ускоряют распространение мемов; люди любят подражать тому, что находят увлекательным” (цит. по: [2, с. 160]). Несмотря на преимущественное существование в Интернете, большинство мемов так или иначе отсылают к социально значимым событиям, имеющим не виртуальные истоки и последствия. Целая плеяда мемов (“Типичные родители”, “Типичный студент”, а также комплекс Rage Comics и им подобные) содержат вербальное описание привычных для адресанта и(ли) адресата ситуаций, привязывая их к визуальному контексту. Результатом является не только отождествление реципиента с автором, но нередко и трансляция фрагментов социального опыта, игровое переживание социальных ситуаций. Здесь мем выступает как прецедентный феномен – постоянно воспроизводимое в актах коммуни-

---

¹ Описанного Ю. Хабермасом в виде идеальной речевой ситуации с доминированием максимально сильного аргумента.

кации знание, которым обладают все члены сообщества [19], способ реконструирования сообщества, предоставления образца идентичности.

Мем как знаниевый элемент не является чем-то принципиально новым. Уплотнение коммуникации, а самое главное – её публичный характер и превращение её в общедоступную (как минимум манифестативно и декларативно) создали в знаниевом пространстве (пространстве коммуникации, по Н. Луману) феномены, соответствующие большинству заметных и всем критериальным признакам мема. Так, активно и узнаваемо используемая цитатность (вплоть до интонационных цитат), литературная интертекстуальность (нараставшая с развитием литературы и её глобализацией), политические лозунги (идеологемный мем) и т. п. могут быть отнесены к видам культурных концептов, которые отличаются от (интернет-)мема скоростью трансляции и ёмкостью значения (вследствие, собственно, скорости “оборота” мема), которые чисто условно можно обозначить как “протомемы”¹. В этом смысле и функционал мемов в системе социального знания не является чем-то принципиально новым. К таковому функционалу относятся:

– идентификация: не подлежит сомнению (не исключительная, но заметная) роль мемов как в ситуативном отождествлении неизвестного с чем-то до этого известным субъекту, так и в длительной идентификации; социализация, что является смежной с идентификацией функцией: реплицируемость и “вирусная” природа мема оказывается родственной механизмам социализации. Сталкиваясь с незнакомой формой сообщения (если она декодирована именно как особая структура), адресат вынужден любой доступной ему техникой приращивать и вмонтировать своё социальное знание;

– конструирование социального пространства как на уровне практик (маркирование через отношение к мему или его воспроизводству), так и на уровне структур (маркирование через репликацию и эксплуатацию мема);

– практическая мобилизация: мем оказывается удачным инструментом (дерационализирующим, к слову) для, с одной стороны, элиминации возможной критичности субъекта к мобилизирующему призыву, а с другой – запуску механизмов массового поведения (в частности, его ускорения и технологизации). Хорошим примером этого являются политические и медийные мемы, которые принципиально не зависят от того, имеется ли под ними основательная социальная и культурная, экономическая и статистическая “почва”. Мем, как и любое публичное высказывание в Интернете, заявляет претензию на правдивость и социальную значимость, ведь смысл, осмысленность и функциональность высказывания подразумеваются самим фактом его публичного озвучивания. Латентную сакральность социального целого обнаруживает существование нормы публичной речи, которую можно выразить как “глупо просить слова, если тебе нечего сказать”. Даже приобретая в последнее время широкую популярность экспромтная

---

¹ Заметим, что это обозначение не является ни методологическим, ни онтологическим, оно нужно лишь для того, чтобы уяснить место (интернет-)мема в историческом процессе динамики культуры.

комедия (стенд-ап), в сущности, является разновидностью вызова этой норме. Развлекательный и юмористический эффект в жанре стенд-ап производится, скорее, способностью говорящего производить впечатление того, что ему есть что сказать, удерживать всеобщее внимание на вещах, которые по своей сути социально не значимы и, соответственно, не заслуживают публичного озвучивания. В Интернете же связь между публично высказываемым и социально значимым оказалась разрушенной как обременительная, потому что количество агентов, имеющих возможность высказаться, превысило количество обладающих важной и(ли) достоверной информацией. Поэтому требование обоснованности невозможно предъявлять к мему, ведь данному знаку коннотат не только не нужен – он может оказаться вредным для его существования, значительно сузив аудиторию;

– иерархизация как установление социального порядка, причём как в отношении агентов социального порядка, так и в отношении знаниевых фрагментов (знания как соконституента реальности, о чём мы детальнее пишем в [5]), в хаосе которых определяются “достойные” и “недостойные” (у)зна(ва)ния, и, соответственно, практикуемые или непрактикуемые;

– фильтрация и регламентация процессов включения и исключения, что процессуально важно для существования социальных групп, применения мобилизационных технологий, создания идентификационных конструкторов и т. д. Включение или исключение может реализовываться с помощью мема на следующих уровнях:

- смысловое наполнение мема информацией, включающей противопоставление “своих” и “чужих” по некоторому признаку, либо создание совершенно нового сообщения, потенциально способного превратиться в мем;

- разделение (sharing) мема с другими участниками публичной коммуникации, в результате которого они, определённым образом реагируя на сообщение, подразделяются на “согласных” и “несогласных” сообразно степени близости им установок, ценностей чувства юмора автора сообщения. Дальнейшее распространение мема происходит через коммуникации между в той или иной мере “согласными”.

Длительность существования и популярность интернет-мема опосредована его применимостью в разных дискурсах, а также тем, насколько (не)исчерпаемой оказывается тематика и форма мема. Долгоиграющим мемом становится тот, который соблюдает некоторый баланс между объёмом, доступностью или специфичностью необходимых для его понимания знаний и универсальностью структуры. Например, вербальные мемы (или сохраняющий структуру узнаваемый вербальный фрагмент мема) являются относительно долгоживущими в том числе потому, что с большей лёгкостью, чем выраженные визуальными средствами, встраиваются в повседневную коммуникацию, поскольку не требуют для использования никаких дополнительных средств (поиска фоновой картинке, создания мема на сайте-мемогенераторе), а для поверхностного декодирования – знаний. Любой умеющий читать понимает смысл текста “Тот неловкий момент, ко-

гда...”, даже не зная подоплёки этого мема и не декодируя его юмористическую составляющую. Вероятно, даже активные пользователи этого мема не смогут реконструировать источники этой конструкции в их письменной и устной речи, но это не мешает агентам оперировать им в виде освобождённой от первоначальной нагрузки дискурсивной и знаниевой структуры. Таким образом, мем, хоть и всегда несёт с собой (в себе) следы какого-либо нарратива, не сохраняет отсылки к оригинальной истории. Его значение, в отличие от символа, представляет собой нестабильный набор слабо связанных знаков, любой из которых может быть отчуждён или заменен любым участником коммуникации в произвольный момент. Мем, будучи центром структурирования коммуникативных практик (а с этой точки зрения – эссенциальным и центрирующим знаниевым конструктом), при этом удивительно мимолётен (примером этого является меметическое словосочетание “а ты листай дальше”). Эта диалектика иллюстрирует динамизацию знаниевых процессов в современном мире (в первую очередь, мире онлайн-технологий), о чём блестяще и почти эссеистично пишет Т. Г. Эрикссен [14], который демонстрирует, как вопреки институциональной и материальной логике экономии времени (посредством технических изобретений и социальных институтов ускорения действия и сокращения пространства) времени (понимаемого Т. Г. Эрикссеном антропологически) становится всё меньше.

Наблюдаемые интернет-мемы имеют некоторый потенциал в качестве не только социализационного, но и образовательного средства. Прецедентность мема позволяет ему при каждом созерцании или применении актуализировать информацию, полученную ранее из других источников, обеспечивая её, пусть кратковременное и упрощённое, повторение. С этой точки зрения, мем представляет собой кнопку “Replay” для клипового мышления интернет-пользователя. Так, наряду с “глобальными” мемами (или целыми системами и “деревьями” / гроздьями мемов¹) вроде “Gangnam Style” или “Pokemon Go”, существуют тематические, специализированные мемы (advice), посвящённые профессиональным сообществам (“Углублённый биолог”, “Типичный творческий”, “Филологическая дева”), которые обращаются к компетентности зрителя. Комический эффект в этом случае часто основывается на противопоставлении банального, известного всем начала фразы и неожиданного её окончания, которое формируется с использованием “профдеформированной” логики и специального знания. Такие мемы выражают рефлексивность – студента, знакомящегося со своей профессией, или школьника, осознающего свою неисключительность, – и, соответственно, требуют для своего создания акта (само)маргинализации, сочетания “взгляда изнутри” со “взглядом со стороны”. Реципиент мема конструирует смысл на основе и личного опыта, и

---

¹ Мы полагаем, что связи между мемами (как системы, тем более настолько упорядоченной, как граф) – тема отдельного исследования. Так, проблемным есть даже вопрос, являются ли вариации мема “деревом” мема или одним и тем же мемом, не говоря уж о том, стоит ли выделять “корень” “дерева мемов” или же отсчитывать его можно от любого из узлов этого графа.

коллективного знания [8]. Поэтому представляется полезным использование различных мемов в образовании, в том числе как средства профессиональной идентификации и социализации.

Например, педагогический эксперимент по использованию мема “Моя профессия”, в котором студентов просили фактически составить перечень мнений и стереотипов окружающих о профессии (“что думает мама”, “что думают ученики”, “что я делаю на самом деле”), был успешно завершён и признан полезным в качестве метода рефлексивной психологии [16]. Однако функционал интернет-мемов в образовании, в частности, электронном, по нашему мнению, может быть гораздо шире. Так, В. Пугач предлагает даже осуществлять оценку качества образования через такие признаки, как: количество мемов, переданных со стороны образовательного учреждения обучающемуся, количество воспринятых мемов со стороны обучающегося, количество используемых мемов в практической деятельности со стороны работодателя [15]. Заметим, что эту радикально меметическую (и во многом научно неаргументированную) позицию мы привели лишь для иллюстрации возможного спектра позиций по данному вопросу. Мы не предлагаем мемы ни для контроля оценки качества образования, ни в качестве самоцели процесса образования: мемы рассматриваются нами как возможный аттрактор, как инструмент инклюзии агента в практики системы образования (или профессиональные практики), “сшивающий” персональный (интимный) и социальный (публичный) опыт.

Предыдущий тезис мы подкрепляем тем, что, как можно заметить, размещение профессионально ориентированного интернет-мема на публичной странице реализуется в рамках выделенного сообщества и включает просвещение в комментариях тех его членов, чьих профессиональных знаний не хватило для самостоятельного понимания шутки. Такой обмен информацией выступает дополнительным источником специальных знаний и знаний о специальности. Практика “делиться мудростью” в комментариях выполняет функцию социальной поддержки и мотивации членов профессионального сообщества, тем более сильной, что она не связана с реальной географической удалённостью коммуникантов. В процессе внедрения технологий электронного асинхронного обучения становится очевидной необходимость целенаправленного обеспечения “естественной” социальной поддержки студента [22], ранее осуществлявшейся в очном общении с одноклассниками, соседями по общежитию и т. д. Мем в этом случае – анонимизированное выражение социальной солидарности, а оперирование мемом – одновременно информационный повод для её осуществления и форма социализации посредством коммуникативных и знаниевых практик.

Использование интернет-мемов в качестве иллюстративного материала позволяет не просто представить информацию более наглядно [17], но и сформ(ул)ировать её в лаконичном, сжатом виде. Неминуемое упрощение информации при подаче в этом случае уравновешивается сложностью и объёмом знаний, необходимых для декодирования мема. Интернет-

мем обращается к привычным для учащихся структурам, поэтому подмена его юмористического содержания учебным, выраженным в столь же развлекательной форме, способна помочь лучше усвоить материал. Являясь, по сути, игровой практикой, оперирование и создание мемов на заданную тематику позволяет одновременно актуализировать специальные знания и отточить навыки их публичного представления. Кроме того, юмористический эффект, приближающий “взрослый” дискурс обучения к детским практикам и перцепции мира, позволяет добиться более активного участия учащегося как в традиционных аудиторных практиках, так и в электронном обучении. При этом докисическая мощь мема приводит мало того, что к фильтрообразному его функционированию: “Пользователь начинает мыслить реальную действительность через своеобразный мем-фильтр, через который проходят лишь интернет-мемы, затем выстраивающиеся в мем-картину мира” [18, с. 96], – так ещё и вся когнитивная структура агента сражается против попытки опровергнуть или низвергнуть мем как (пусть и временно) структурообразующий знаниевый фрагмент.

Выводы. Таким образом, интернет-мем, проявляясь для повседневного наблюдателя как динамичное, “лёгкое”, “текущее” (используя метафорику З. Баумана) явление современного пространства коммуникаций, в своей природе обладает сложной внутренней структурой и содержанием. Так, мы обнаруживаем за его функционированием “отмирание” модуса взрослой коммуникации и распространение – инфантилизованной; мы аргументировали, что (интернет-)мем является важным индикатором процесса разложения системности социального знания агента и распада его повседневности (несмотря на связанность и безусловную контекстуальность мема); наконец, нам удалось продемонстрировать как функционал (интернет-)мема в структуре знания агента, так и его социально-инженерный и социально-конструкторский потенциал (а следовательно, безусловную политическую или социокультурную, дискурсивную или практическую инструментализуемость).

Однако остаются и неразработанные проблемы в данной сфере. Так, особенно интересны и мало освещены, с нашей точки зрения, социальные механизмы популяризации мемов, в частности, то, как и почему конкретный мем приобретает свой статус популярного, а также “смерть” мема, связанная с прекращением его востребования аудиторией [10]. Эти разработки в условиях смены дискурсивных формаций, доминирующих в украинском обществе (как вполне типичном для постсоветского пространства) могут вывести социолога на ряд куда более широких и социально болезненных вопросов, например, вопросов о возможности и путях социального диалога разных поколений, разных социальных групп (обладающих разными техниками дискурсивизации и практикования); вопросов об инструментах социальной интеграции и солидарности в современном обществе коммуникации; наконец, вопрос о том, в каком же направлении изменяется сам способ знания об обществе и о себе в его пространстве.

Список использованной литературы

1. Аршинская Н. А. Проблема восприятия и интерпретации интернет-мемов / Н. А. Аршинская // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 9–4. – С. 10–16.
2. Березин В. М. Новость и мем: научные заметки о рождении и сопряжении смыслов / В. М. Березин // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2014. – № 1. – С. 157–161.
3. Білоус А. О. Риторичні аспекти комунікації в інтернет-мережі / А. О. Білоус // Гилея : научный вестник. – 2015. – № 99. – С. 178–183.
4. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые ; пер. с франц. ; отв. ред. еревода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. – Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. – 576 с.
5. Голиков А. С. Системность социального знания как феномен и факторы его крушения / А. С. Голиков // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. праць. – Харків : ХНУ ім. В. Н. Карабіна, 2011. – Вип. 17. – С. 27–34.
6. Голиков А. С. Демотиваторы в Интернет-коммуникации: генезис, смыслы, типология / А. С. Голиков , А. А. Калашникова // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. праць. – Харків : ХНУ ім. В. Н. Карабіна, 2010. – Вип. 16. – С. 124–130.
7. Голованова Е. И. Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ / Е. И. Голованова, Н. В. Часовский // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 5 (360). – С. 135–141.
8. Данилова Ю. Ю. Мем как структурное, функциональное и визуально-коммуникативное целое / Ю. Ю. Данилова, Д. Р. Нуриева // Наука и Мир. – 2015. – Т. 2. – № 1 (17). – С. 37–40.
9. Докинз Ч. Эгоистичный ген / Ч. Докинз. – Москва : АСТ : Corpus, 2013. – 512 с.
10. Канашина С. В. Детабуизация в интернет-мемах на лингвистическом и тематическом уровнях / С. В. Канашина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 20 (706). – С. 90–101.
11. Канашина С. В. Когнитивный механизм компрессии в интернет-мемах / С. В. Канашина // Филологические науки в МГИМО. – 2015. – № 1. – С. 30–39.
12. Канашина С. В. Мем как единица передачи культурной информации языковыми и неязыковыми средствами / С. В. Канашина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 20 (680). – С. 243–249.
13. Квят А. Г. Медиаем как инструмент политического PR: когнитивный подход / А. Г. Квят // Медиаскоп. – 2013. – № 1. – С. 3.
14. Еріксен Т. Г. Тиранія моменту: швидкий і повільний час в інформаційну добу / Томас Гілланд Еріксен ; пер. з англ. В. Дмитрука. – Львів : Кальварія, 2004. – 196 с.
15. Пугач В. Н. Качество образования: от классических представлений к современным понятиям / В. Н. Пугач // Науковедение : интернет-журнал. – 2013. – № 3 (16). – С. 17.
16. Сидоренко М. Г. Исследование возможностей использования интернет-мемов в образовательном процессе / М. Г. Сидоренко // Вестник Саратовского областного института развития образования. – 2015. – № 4 (4). – С. 101–107.
17. Цаценко Л. В. Мемы как форма иллюстрации в науке и образовании / Л. В. Цаценко, Д. Л. Савиченко // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 114. – С. 582–591.
18. Шалимов А. Б. Мем-театр: влияние культуры новых медиа на познание мира человеком / А. Б. Шалимов // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2011. – № 43. – С. 94–97.

19. Щурина Ю. В. Интернет-мем как прецедентный феномен / Ю. В. Щурина // Язык в различных сферах коммуникации : материалы международной научной конференции / под ред. Т. Ю. Игнатовича. – 2014. – С. 102–108.

20. Марченко Н. Динаміка використання Інтернет в Україні [Електронний ресурс] / Наталія Харченко // Сторінка Київського міжнародного інституту соціології. – Режим доступу: <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=621&page=1> (26.07.2016).

21. Матеріали сайта <http://www.dipity.com/> [Електронний ресурс] – Режим доступу: http://www.dipity.com/tatercakes/Internet_Memes/?mode=embed#tl (28.07.2016).

22. Hrastinski S. Asynchronous & Synchronous E-learning / Stefan Hrastinski // Education Quaterly. – 2008. – № 4. – P. 51–55.

Стаття надійшла до редакції 18.07.2016.

Голіков О. С., Калашникова А. О. Мем як знаннєвий конструктив і соціальна технологія: включення, соціалізація, ідентичності

Статтю присвячено соціологічному аналізу феномена мема як знаннєвого конструкту та як соціальної технології. Спираючись на лінгвістичні, соціологічні, антропологічні, комунікативістські дослідження, автори доводять як знаннєву природу мемів, так і їх значущість у конституюванні соціального. Інтерпретуючи мем як продукт масової й спонтанної активності, автори, тим не менше, пропонують погляд на мем як на соціальну технологію, у тому числі технологію із соціального включення та виключення, технологію із соціалізації й конструювання ідентичності, а також технологію у сфері освіти (зокрема, e-learning).

Ключові слова: мем, Інтернет, соціологія знання, знання, соціальна технологія, e-learning, соціальність, включення.

Golikov A., Kalashnikova A. Meme as a knowledge construct and as a social technology: Inclusion, Socialization, Identity

The article contributes to the sociological analysis of internet-meme as a knowledge construct and as a social technology. “Meme” here stands for the phenomena of contemporary internet, as the definition of meme as any cultural object able to be shared and incorporated, given by memetics, is regarded as too wide and generally alike basic linguistic notions “concept”, “frame” and so on. Basing on linguistic, sociological, anthropological, communication studies, authors demonstrate the knowledge nature of memes and their significance in the constitution of social. Memes function in the communication space as markers of the social membership and the mean to approve group solidarity, but indicate the process of metanarratives collapse. They also show the infantilization of communication signaling that “adult” culture of discussion dies off.

The meme’s perception and sharing appeal to the previous experience and the precedent knowledge of the spectator, thereby reactualizing it. Creation of peculiar kinds of memes demands from individual the certain social reflection. That is why memes could be productively turned into a part of learning process, bringing information to students in a more acquainted and entertaining way. Informal communication, often initiated by humoristic memes dedicated to the features of the specialist in profession, is to replace geographically close professionals’ connections in providing of the necessary social support. Interpreting the meme as the product of mass and spontaneous activity, authors offer to regard the meme as the social technology, meaning technology for social inclusion and exclusion, for socialization and identity construction, as well as educative method.

Key words: meme, Internet, sociology of knowledge, knowledge, social technology, e-learning, sociality, inclusion.